

А.М. Щербак. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука. 1994. 191 с.

Новый труд А.М. Щербака завершает пятитомную монографию автора, посвященную сравнительно-историческому рассмотрению важнейших составляющих тюркской языковой системы [Щербак 1970; 1977; 1981; 1987]. Как подчеркивается в общем названии работы, сравнение современных тюркских языков и диалектов выступает как принцип и основа дальнейших исторических выводов. В пятом, итоговом томе выделены наиболее важные и традиционно спорные вопросы сравнительно-исторических исследований в тюркологии. Вместе с тем данный том может рассматриваться и как введение в изучение тюркских языков, их генетической общности, внутреннего членения и связей с другими языками в свете алтайской гипотезы. Это определяет композицию работы. Главы I и IV посвящены соответст-

венно классификации тюркских языков (с. 12–42) и проблеме генетического родства тюркских языков с нетюркскими языками (с. 147–185). II глава работы "Особенности развития фонетической структуры, морфологического типа, синтаксиса и лексики тюркских языков" (с. 43–132) распадается на четыре раздела: "Фонетическая структура", "Основные пути развития морфологии", "Синтаксический строй" и "Лексика", в которых автор возвращается к проблемам, рассмотренным в предыдущих томах монографии, или излагает свое понимание сравнительного подхода к тем языковым сферам, которые в предыдущие тома монографии не вошли (синтаксис и лексика). Глава III "Вопросы реконструкции древнейшего состояния тюркских языков" посвящена принципу сравнения родственных языков как основ-

ному приему реконструкции, а также явлению нерегулярности фонетических изменений.

При всей органической включенности настоящего тома в монографию он может рассматриваться как самостоятельная книга в силу значимости проблем общей тюркологии, рассматриваемых в ней. Это же делает неоценимым труд А.М. Щербака для задач вузовской тюркологии: это и введение в тюркское языкознание, и работа, завершающая цикл общетюркологических дисциплин.

Концепция работы отражает последовательно отстаиваемые автором принципы классической компаративистики, ограничиваемые пределами одной языковой семьи. Отбор проблем, рассматриваемых в книге, определяется как их объективной важностью для сравнительно-исторических исследований в тюркологии, так и авторским пониманием их значимости. Многочисленность затрагиваемых вопросов и, как правило, их дискуссионность вынуждают делать аналогичный отбор и в настоящей рецензии.

Естественно обращение автора к вопросу о классификации тюркских языков: в истории тюркологии было сделано немало попыток дать новые или уточненные схемы классификации, однако остается общим местом упрек в отсутствии разработанных принципов решения этой проблемы, в частности типа языка [Гаджиева 1980; 100]. Поиски дифференциальных признаков в существующих классификациях в основном направлены на использование их интегрирующей функции, в силу чего сложилось достаточно устойчивое представление о языковых группах в составе тюркской языковой семьи. В отечественной тюркологии одной из лучших признается классификация А.Н. Самойловича [Самойлович, 1922] (выделение на основе фонетических признаков шести групп). В современных попытках классификации основное внимание уделяется поиску признаков в рамках уже выделенных подгрупп или на участках их ареального контактирования. Автор не ставит задачи пересмотреть классификацию, подтверждая правомочность соотношения соответствующих групп тюркских языков (огузская, кыпчакская, карлукская и др.) с существовавшими этнолингвистическими объединениями — племенными союзами. Предлагается увеличение числа классификационных признаков (не только фонетических, но и морфологических и лексических). Внимание к дифференцирующей функции признака обусловило введение понятия диагностического признака (с. 24).

Так, соотносительное место аффикса принадлежности и падежа в тюркской словоформе являет собою диагностический признак тюркских языков в отношении к монгольским, а наличие в якутском местоимения *bəjə* "сам" выделяет его среди других тюркских языков. Понятие диагностического признака важно для спорных случаев отнесения того или иного языка к определенной группе (например, халаджского к огузским). Здесь, правда, остается неясным, как будут соотноситься признаваемые для халаджского диагностическими признаки огузского типа (презенса-*ijor*, перфекта-*miş*, конструкции с *-dik* и др., т.е. признаки интегрирующие его в юго-западную группу) с признаками типа *алта* "пусть возьмет" или сохранение анлаутного *к* в палатальном ряду (типа *kın* ~ *kün* "день"), т.е. признаками, явно выделяющимися халаджский из огузских языков. Несомненно важно введение дополнительных признаков в классификацию, однако, думается, выбор формы перфекта не выглядит предпочтительным, например, в сравнении с формой презенса (к тому же выбор перфекта был бы значим в своем системном своеобразии — наличие одной/нескольких перфектных форм); случайным, во всяком случае не поясненным в работе, кажется выбор лексических признаков классификации.

В разделе, посвященном фонетической структуре слова, значимой представляется постановка вопроса о структуре слога и слоговых акцентах в прототюркском как базе для решения проблемы тюркской долготы, фарингализации, геминации и др. По мнению автора, для протоязыка можно предположить существование односложных слов типа СГ(Г), первичных по отношению к структурам СГС, в которых при отсутствии противопоставления глухих (сильных) и звонких (слабых) средством расширения выразительных возможностей языка выступало противопоставление акцентных типов односложного слова: с вершиной на гласной и с вершиной на согласной части. В вокальновершинном типе слога (слова) за долгим гласным следовал слабый, краткий согласный; в консонантновершинном типе слога краткий гласный предшествовал длительно произносимому согласному. Перерыв в артикуляции гласного, условием которого было качество и количество последующего согласного, обуславливал смещение вершины слогового акцента в сторону согласного и приводил к его геминации или фарингализации гласного. Гипотеза о противопоставлении слоговых

акцентов выглядит предпочтительнее в объяснении первичной долготы по сравнению с идеей стяжения сочетаний гласных с согласных и выпадения согласных.

Из вопросов, рассматриваемых в разделе "Основные пути развития морфологии", хотелось бы остановиться на проблеме образования грамматической формы. В старом тюркологическом споре, принадлежит ли основное место в этом процессе грамматикализации лексических единиц или слиянию однофункциональных аффиксов в результате фузии [Кононов 1971:115], автор основным считает первый путь, подчеркивая, что разложение морфем часто носит умозрительный характер и приводит к сомнительным этимологизации (как пример приводятся аффиксы мн.ч. *-ла-р*, дат. п. *-к-а* и др. – с. 74). Несомненный интерес представляет концепция автора об этапах сложения грамматической формы в тюркских языках: древнейший пласт (1) – имена действия, из которых развились финитные глагольные формы и формы неполной вербальности, или деепричастия; следующий пласт (2) – формы грамматических падежей и форма мн. числа; более поздний пласт (3) – формы "наречных" падежей (дательного, местного, исходного, продольного, предельного и других), формы неполноты признака прилагательных, залоговые формы и некоторые формы наклонений; новейший пласт (4) – формы настоящего конкретного времени, определенного и неопределенного "имперфектов", ряд форм именного и глагольного словообразования (с. 76). Наименее доступными для этимологизации признаются формы первых двух пластов: как полагает автор, поиски их лексических прототипов или аффиксальных морфем, из которых они развились, не дали результатов (с. 77). Заметим, что и найденные прототипы далеко не всегда убедительны (в том числе и те, которые приводит автор, в частности глагол *ол-* "быть", полагаемый в основе формы страдательного залога (с. 80). Если признать вслед за автором, что морфологические показатели могут восходить к самостоятельным словам не непосредственно, а через промежуточную морфему (с. 73), то придется признать допустимость приема разложения морфемы, что не отрицает и автор, но не в поисках ее лексической этимологизации, а функциональной основы самой фузии. При этом, очевидно, должен учитываться принцип, согласно которому функциональная сущность морфологической единицы может быть понята лишь в

составе единицы более высокого ранга. Если, скажем, подойти с этих позиций к залоговым формам, то их современному статусу предшествовало, по-видимому, восходящее к древнейшему пласту (1) положение предикативных дейктических единиц субъектно-объектного согласования, давших древнейший тип глагольной имени, которое на определенном этапе могло становиться глагольной основой – залогом в современном его понимании [Грунина 1993:21–22].

Синтаксису (как и лексике) в монографии не отведено специального тома, что объясняется исходной позицией автора в использовании сравнительного метода в синтаксических исследованиях как мало-результативного (с. 83). Поэтому в разделе "Синтаксический строй" рецензируемой работы основное внимание уделено спорным проблемам тюркологии в этой области, в частности проблеме исходной именной природы тюркского предложения; лично-местоименной природе предикативных показателей и неприятию идеи посессивного спряжения и посессивной конструкции предложения; спору вокруг сложных синтаксических конструкций ("оборотов") с глагольными именами и др. Как представляется не совсем справедливо утверждение автора о том, что концепция посессивного спряжения "к настоящему времени утратила свое научное значение" (с. 91). Историко-типологические исследования, новое прочтение несправедливо забытых трудов И.И. Мещанинова позволяют предположить наличие посессивного оформления в пратюркском как элемента определенных структурно-семантических схем предложения, рефлексом которого в современном состоянии является конструкция глагольное имя + *bar/jok*.

Интересна позиция автора в споре, оживающем в тюркологии при каждой смене научной парадигмы, – о конструкциях типа тур. *benim okudu* Бум *kitab*, узб. *men ўқидан китоб* // *менин, ўқидан китобим*, тув. *мээн, номчаан номум* // *мээн номчааним ном* "книга, которую я читал/читаю". Традиционный подход к этим конструкциям только на уровне поверхностных синтаксических структур, толкуемых в терминах членов предложения, "спотыкался" на проблеме предикативности в таких образованиях. Внимание к содержательному аспекту предикации позволило в обороте и предложении выделить общее – предикативную конструкцию, или пропозицию с актуализацией одного из таких предика-

тивных центров через синтаксическую категорию предикативности. Сложный комплекс, включающий неактуализованные предикативные конструкции, получил название полипредикативного, а само явление как полипредикативность [ПК 1980:160]. Думается, такое решение отвечает пониманию предикативности, с которой как условию решения статуса оборотов говорит автор (с. 97). Однако в разграничении предикативных центров разного характера в одном предложении автор видит лишь учет содержательной стороны явления без внимания к формальной стороне, что "превращает в беспредметное занятие рассуждения о критериях выделения различных синтаксических структур" (с. 100). Представляется, что такое замечание слишком категорично. В подходе к проблеме в 50–60-х гг. интуитивно правильным критерием "придаточности" (т.е. неактуализованного предикативного центра) выдвигалось выражение самостоятельного (отдельного) субъекта при глагольном имени. Если в современном развернутом обороте глагольное имя выступает с реализованным актантным потенциалом (субъект – объекты) типа тур. *онун бу кітабі бана гетирдіјіні біліјорум* "я знаю, что он принес мне эту книгу", то исторически глагольное имя могло реализовывать только один актант – объект или субъект (типа современных тув. конструкций *тарйір чэр* "земля, которую будут пахать" и *тарйір кіжі* "человек, который будет пахать"). Мы полагаем, что развитие оборота шло изнутри через развертывание актантного потенциала глагольного имени (узб. модель *мен ўкйган к і тоб*) с дальнейшим выражением согласования, принципиально возможного как при глагольном имени (в силу его грамматического синкретизма), так и при имени (семантическом объекте): **мен, тарйір чэрім* → *мээн, тарйір чэрім* // *мээн тарйірім чэр* "земля, которую я буду пахать". Поэтому вряд ли правомерно исключение из оборотов конструкции типа тур. (*бенім*) *окудуђум кітаб* "книга, которую я читал" (с. 92). Отсутствие "правильной" конструкции в тур. **бенім окудук кітабім* связано с утратой глагольным именем причастных свойств, сохранение которых в форме *-ајак* делает возможными обе структуры, ср. *сорајак соруларім* // *сора-јајім сорулар* "вопросы, которые я задам". Таким образом, реализация субъектного актанта, отличного от субъекта в главной предикативной конструкции, как и его

форма, должны служить критерием в определении типа полипредикативных конструкций.

Раздел, посвященный лексике, раскрывает в основном проблемы лексикологии, актуальные для исследования (стратификация лексики, истоки ее формирования, тематические группы лексики и др.). Вопросы семасиологии остались за пределами работы, хотя их освещение имело бы смысл в силу малой разработанности в отечественной тюркологии как проблем исторической лексикологии, так и семантической реконструкции.

Основной принцип реконструкции древнейшего состояния – сравнение родственных языков – развернуто представлен на примере анализа ротацизма и ламбдаизма в чувашском языке как собственно тюркской проблемы. По мысли автора, для доказательства вторичности этих явлений в чувашском языке не обязательны алтаистические соображения. Данный раздел интересен тем, что он не завершает традиционный спор, а придает ему большую остроту. Так, в исследовании О.А. Мудрака противоположные результаты также выводятся из пратюркской системы [Мудрак 1994:5, 28, 52].

Полемический характер носит заключительная глава работы "К проблеме генетического родства тюркских языков с нетюркскими языками". По-видимому, она требует специального освещения и анализа, невозможного в ограниченной по объему общей рецензии. А.М. Щербак принадлежит к той группе тюркологов, которые не принимают ностратическую гипотезу, усматривая в работах ее сторонников "отсутствие убедительных фактов и ненадежность предложенных реконструкций" (с. 151). Алтайская общность трактуется в трудах А.М. Щербака не как генетическое родство, но как результат длительного контактирования, тесного с монгольскими языками и слабого с тунгусо-маньчжурскими. В данной части работы значительное место уделено анализу тюрко-монгольских глагольных параллелей трех типов: совпадающих полностью, имеющих различие в виде "дополнительного" гласного и различающихся "дополнительными" сочетаниями гласных с согласными. Здесь также рассматривается старый тюркологический спор о типе пратюркского корнеслова и возможности (или невозможности) падения конечного гласного. Теория моносиллабизма, которую отстаивает автор, согласуется с его неприятием идеи утраты конечного гласного в тюркских языках.

Заметим, что эта идея, идущая от сторонников алтайской теории, получает в работах последнего времени все большую поддержку. Несмотря на десятки глагольных основ, совпадающих полностью или почти полностью, генетическое родство тюркских и монгольских языков, как полагает автор, признать невозможно в силу принципиальных различий в их основном словарном фонде (например, в числительных, в глаголах, образующих ядро этого разряда лексики, типа "брать", "давать", "знать" и многие другие), различий в порядке присоединения аффиксальных морфем, выражения отрицания и др. Все это, по мысли автора, говорит в пользу контактной природы тюрко-монгольских схождений, при этом алтайская гипотеза имеет большую значимость для реконструкции монгольского праязыка, предполагающей четкое отграничение тюркских элементов.

Как кажется, среди тюркологов отношение к алтайской гипотезе не столь однозначно, как у автора рецензируемого труда. Думается, что она еще будет привлекать внимание новых поколений тюркологов, учитывая и все растущее стремление согласовать данные компаративистики с теми результатами, которые обеспечивает типологическая лингвистика.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть масштабность монографии А.М. Щербака в целом, как и настоящего труда, своего рода свода кардинальных проблем тюркологии. Книга несомненно войдет в фонд тюркологической литера-

туры, чтобы быть востребованной поколениями тюркологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаджиева Н.З. 1980 – К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.

Грунина Э.А. 1993 – К истории тюркского залога: Рефлексив, пассив // Вестник шелковского пути: Вопросы тюркской филологии. М., 1993.

Мудрак О.А. 1994 – Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка (историческая фонетика, морфонология и интерпретация): Автореф. дис. ...-ра филол. наук. М., 1994.

Кононов А.Н. 1971 – О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.

ПК 1980 – Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

Самойлович А.Н. 1922 – Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Нг., 1922.

Щербак А.М. 1970 – Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак А.М. 1977 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.

Щербак А.М. 1981 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981.

Щербак А.М. 1987 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л., 1987.

Э.А. Грунина